

ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ.

Часть Первая

Человѣкъ яко трава, дше его яко цвѣтъ сельный.

{Псал. 102., ст. 15.

Книга первая.

Я родился 24-го Апрѣля 1756-го года. Младенчество мое было самое болѣзненное; воспитанъ я въ разсужденіи тѣла въ крайнѣй нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи. Родители мои были самыя чадолюбивыя и, бывши весьма добродушны и отъ природы отлично разумны, всеми силами старались наставлять меня въ честности и благонаравіи; но сами имѣвъ воспитаніе того времени, въ которомъ не учились иностраннымъ языкамъ и знаніямъ, нынѣ обыкновеннымъ, не могли они, при всемъ своемъ желаніи наилучшаго мнѣ воспитанія, достаточно съ этой стороны успѣвать въ немъ. Русской грамотѣ училъ меня домашній слуга, по французски училъ Савояръ, незнавшій совсѣмъ правилъ языка, по нѣмецки,—Берлинецъ, который ненавидѣлъ языкъ нѣмецкій и всячески старался сдѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталъ французскимъ и сколько умѣлъ, училъ меня ему тихонько, пользуясь охотою моею къ чтенію; нѣмецкія же книги держали мы на учебномъ столѣ своемъ для одного виду: и я,—выучась только читать по нѣмецки,—разумѣть, что читаю на немъ, уже научился больше нежели черезъ десять лѣтъ послѣ окончанія мною такого ученія,—научился отъ сильнаго желанія разумѣть на языкѣ семъ духовныя книги.

Такимъ образомъ на 17-мъ году моего возраста кончилось мое воспитаніе и ученіе языковъ, которыхъ ни одного, какъ и своего природнаго, не знаю и по сіе время грамматическихъ правилъ, хотя на послѣднемъ я очень много писалъ, и даже сочинялъ книги. Однимъ словомъ, если я что знаю, то подлинно самоучкою.

Слабость моего здоровья, столько же какъ обыкновенное родителямъ, особливо въ старости ихъ, желаніе имѣть дѣтей при себѣ, не позволяли имъ рано отпустить меня на службу.—Я страстенъ былъ къ военной: и сидя дома водилъ строй и давалъ баталіи по поизелюру и фоларду. Компаніями армій нашихъ противъ турокъ, войны, начавшейся въ 1769-мъ году, я такъ горячо занимался, какъ бы по чрезмѣрному усердію очень обязаннаго участвовать въ планахъ или операціяхъ. Нѣсколько ночей безпокойно спалъ отъ ожиданья чѣмъ рѣшится компанія князя Голицына подъ Хотинымъ: и, хотя почти уже сорокъ лѣтъ не имѣлъ я въ рукахъ описанія дѣйствій той войны, но и теперь конечно помню почти всѣ ихъ числа.

Около сего времени лишился я матери: она умерла отъ болѣзни, нѣсколько лѣтъ продолжавшейся. Я отменно къ ней былъ привязанъ. При началѣ ея болѣзни, будучи ребенкомъ лѣтъ десяти, я очень горячо молился о ея выздоровленіи:—и вотъ какова была моя ребяческая молитва! Я помню, что, однажды, спрятавшись за занавѣсь кровати, молился я тихонько и просилъ Бога очень усердно, чтобъ онъ лучше отнял у меня палець и даже всю руку, а только бы она не умерла.

Я былъ записанъ Гвардіи унтеръ-офицеромъ, и въ 1771-мъ году именнымъ указомъ пожалованъ въ прапорщики Преображенскаго полка. Послуживъ нѣсколько мѣсяцовъ, я едѣлался такъ боленъ, что цѣлыя три года не могъ выходить изъ комнаты, кромѣ какъ въ лѣтніе и самыя хорошіе дни. Потомъ еще года три сряду въ каждый мучила меня лихорадка.—Это время, въ бурныя лѣта молодости, было для меня большою опытною школою терпѣнья и много послужило въ пользу охотѣ моей къ чтенію. Ослабленныя силы здоровья, и случившійся при томъ нѣкоторый припадокъ, препятствовавшій верховой ѣздѣ, принудили меня навѣкъ простишься съ военною службою.

Любовь къ службѣ, при невозможности удовлетворяться военною, устремила склонность мою къ гражданской. Особенно занимала меня часть уголовная. Съ большою прилежностію собиралъ я всевозможныя по сей части свѣдѣнія и интересовался обстоятельствами и сужденіями

всякаго уголовнаго дѣла, о которомъ слышалъ; и по болѣзнямъ моимъ, въ отпуску живучи тогда въ деревнѣ, часто бывая у пріятеля моего городничаго въ уѣздномъ городѣ, рѣдко выѣзжалъ изъ него безъ того, чтобъ не побывать въ тюрьмѣ, для разговоровъ на сей предметъ съ колодниками и для примѣчаній на нихъ.

Въ началѣ 1782-го года по просьбѣ моей за болѣзнями, отставленъ я изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи, къ статскимъ дѣламъ полковникомъ, а въ концѣ того же года, при открытіи по новымъ учрежденіямъ Московской губерніи, опредѣленъ я былъ въ ней совѣтникомъ Уголовной Палаты.

Въ должности сей принялъ я себѣ за правило наблюдать, чтобъ какъ невинной не былъ никогда осужденъ, такъ бы и виноватый не избѣжалъ наказанія; но по человѣколюбію—сколько можно больше умѣреннаго, неудаяясь, однакожь, отъ силы законовъ.

Я думаю что цѣлью наказаній должно быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій.—Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества, и одно всегда бесполезное тиранство. Ненадежность избѣжать наказанія, гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго. Намѣреваясь къ преступленію, естественнѣе человѣку ослѣпляться мыслями, что преступленіе его не откроется, нежели соображать мѣру наказанія, которому онъ подвергаетъ себя, особливо, когда оно относится къ страданію тѣлесному, или потерянію свободы.

Вѣроятно что никто не покусится на преступленіе при увѣреніи, что не избѣжитъ такого рода казни; ожесточенный въ злодѣяніяхъ не думаетъ объ ней. но неходящійся еще въ такой степени разврата, конечно, собираясь сдѣлать уголовное преступленіе не ласкается тѣмъ, что ему дадутъ 20-ть, а не 50-ть ударовъ.

Весьма также опасался осуждать по заключеніямъ изъ обстоятельствъ, безъ совершеннаго изобличенія и признанія судимыхъ. Неможно, по мнѣнію моему, почитать доказательствами соображенія умствованій, сколько-бъ они ясны и основательны не казались. Такого рода доказательства едва ли когда могутъ быть совершенныя и такія, чтобъ исключали уже всѣ возможности къ показанію невинности обвиняемаго.

Гдѣ одна вѣроятность, тамъ истинный разумъ не можетъ находить полного увѣренія, какъ бы сильна ни была она. Все, что можно только выдумать противъ доказательствъ, составляемыхъ умственнымъ соображеніемъ, уже ихъ опровергаетъ, и по множеству опытовъ извѣстно, какъ ошибочны въ уголовныхъ судопроизводствахъ заключенія, которыя основаны были такими соображеніями на одной вѣроятности, приемлемой за моральную извѣстность.

При такихъ сужденіяхъ, кромѣ не довольнаго вниманія и корыстныхъ пристрастій, весьма можетъ заводить въ погрѣшности одно самолюбіе, столь много свойственное большей части людей, особливо тѣхъ, коихъ страсть отличать умомъ. Желаніе показать свой разумъ въ открытіи виноватаго, весьма легко и нечувствительно можетъ заставить найти его въ невинномъ. Тѣ только судьи не будутъ подвержены такимъ ошибкамъ, которые стараются дѣлать правду для самой правды, всею сердцемъ любя ее, а не для того чтобъ ею прославиться, или которые во всякомъ ими судимомъ, сердечно видятъ прямо ближняго своего.—Безъ сего расположенія, не можетъ быть истинно добрыхъ судей; а такіе, понечастлию очень рѣдкіе судьи, и не послѣдуютъ конечно одному образу сужденія.

Но можетъ ли быть правило мудрѣе и справедливѣе того, что лучше оставить безъ наказанія многихъ виноватыхъ, нежели одного невиннаго осудить, и случаи преступленій, коихъ совершенно доказать не можно, предоставлять правосудію Всевидащаго. Иные мудрователи при семъ скажутъ: „Что же?—Итакъ людямъ ничего не надобно дѣлать, а все оставлять дѣйствовать Богу; и силъ разума, отъ него же данныхъ, употреблять, стало, ненадобно?“ Нѣтъ, надобно ихъ употреблять наиприлежнѣйше; но тамъ гдѣ они недостаточны, съ кротостію признавать ихъ слабость, и страшиться жребіемъ ближняго своего жертвовать самолюбію.

Какъ странно видѣть, когда люди напрягаютъ все свои силы найти виноватаго для того только, чтобъ его наказать; и безъ совершеннаго увѣренія въ его винѣ—спѣшатъ осудить его, и сіе часто изъ мнимаго правосудія и усердія къ сохраненію порядка, какъ будто безъ того оный совершенно бы возмущился и остановилось бы дѣйствіе, невидимо,—но всегда и вездѣ,—дѣйствующаго источника его. Страннѣе еще иногда видѣть, съ какимъ рвеніемъ нѣсколько грабителей и мздоимцовъ, при чувствахъ, самый видъ добраго усердія имѣющихъ, стараются натянуть доказательства къ обвиненію какого нибудь бѣдняка,

впадшаго и въ неважное преступленіе, и по какому нибудь, можетъ быть, особливо несчастному стеченію обстоятельствъ.

Съ такимъ же вниманіемъ старался я соблюдать всю точность и обрядовъ законныхъ, почитая всякое ихъ нарушеніе вреднымъ, сколько для существа правосудія, столько-жъ, по вліянію чрезъ примѣръ; и на порядокъ службы, которой онъ долженъ быть душою.

Одинъ случай, относительно къ сему разположенію моему, въ бытность мою совѣтникомъ Московской Уголовной Палаты, заслуживаетъ, чтобъ разказать его.

Внесено было въ Палату на ревизію изъ Губернскаго Магистрата дѣло о подложныхъ векселяхъ одного купца. По сему дѣлу являлись нѣкоторыя подозрѣнія на двухъ изъ знатныхъ и богатыхъ купцовъ Московскихъ, кои были обвинены и приговорены подь стражу. Они скрылись и уѣхали въ Петербургъ искать защиты у самой Императрицы; Государыня приказала взять изъ палаты дѣло для предварительнаго разсмотрѣнія. Имянной о семъ Указъ объявилъ, бывший тогда Оберъ Прокуроръ, князь Гагаринъ.—Но какъ, по узаконенію оберъ-прокуроры не имѣютъ права объявлять Имянныхъ Указовъ, то я несогласился отдавать дѣло изъ палаты и подаль о томъ голось *). Дѣло доставлено было по большинству голосовъ; но я остался при своемъ, не смотря на всѣ устраниванія, на всѣ предвѣщанія мнѣ за то бѣдъ и даже на самое принужденіе, съ большою досадою, бывшаго тогда главнокомандующимъ, Графа Захара Григорьевича Чернышева.

Предсѣдатель Палаты скоро отлучился въ Петербургъ искать себѣ лучшаго мѣста; а я остался, какъ старшій совѣтникъ, отправлять его должность, старался служить очень усердно; и какъ тогда, такъ и сначала вступленія моего въ палату, да и до самаго выхода изъ нея, едва ли было одно рѣшительное опредѣленіе, которое бы не самъ я сочинялъ.

Правила умѣренности въ наказаніяхъ держался я неотступно. Будучи старшимъ въ палатѣ, въ которую скоро опредѣленъ я былъ и Предсѣдателемъ, гораздо удобнѣе мнѣ было сохранять его, ибо без-

*) Смотри журналъ Московской Уголовной Палаты, 22-го ноября 1783-го года и послѣдовавшее о томъ, въ протоколѣ.

спорно соглашались товарищи мои со мною въ томъ, что прежде долженъ я былъ одерживать спорами и часто самыми жаркими.

Не охотники до меня, и столько жъ, кажется, вообще до челоуѣчества тамъ гдѣ нѣтъ ихъ интересовъ, вопіяли осужденіями такъ называвшагося ими милосердія моего. Говорили, что я развожу злодѣевъ и воровъ, однако, по щастію моему что-ли, гораздо ихъ меньше стало, съ открытія въ Москвѣ Уголовной Палаты, при умѣренныхъ ея, какъ называю, наказаніяхъ, заступившихъ мѣсто тѣхъ лютостей торговой казни, коими предъ тѣмъ Московское правительство нѣсколько лѣтъ отличалось и о которомъ безъ ужаса вспомнить нельзя.

Итакъ, не взирая ни на что, продолжалъ я держаться вышесказаннаго мною расположенія; а Главнокомандующій графъ Захаръ Григорьевичъ подкрѣплялъ меня согласіемъ своимъ на всѣ мои приговоры. Сколько сей почтенный мужъ достоинъ похвалы, о томъ говорить излишне: онъ весьма извѣстенъ.

Слѣдуя оному расположенію и соображая общественную пользу, рѣшился я, за воровство, кражу и мошенничество, цѣною выше двадцати рублей, (ибо о наказаніяхъ затрудненія сего рода на меньшую цѣну, заработкою, уже существовало узаконеніе), наказывать не кнутомъ, а тѣлесно же, но такимъ образомъ, чтобъ наказанные могли отдаваться въ рекруты.—Товарищи мои не спорили противъ меня. Они знали, что это дѣлается мною съ согласія Главнокомандующаго; хотя оно на бумагѣ и не изъяслялось, потому что въ то время не вносились еще на разсмотреніе къ начальникамъ губерній опредѣленія о таковыхъ наказаніяхъ. Однако я сіе дѣлалъ неотступая и отъ закона. Рѣшенія основывались на той статьѣ морскаго Устава, въ коей сказано:

„За первую, другую, и третью кражу наказывать,—что разъ, то жесточѣй, по разсмотрѣнію“. кн. V, гл. 17, ст. 127.

Черезъ сіе считалъ я соблюдать то правило, чтобъ преступленіе не оставалось безъ наказанія; но наказаніе бы, сколько можно, не нарушая законовъ, было умѣренно, и общественной пользѣ тѣмъ соответственно; и чтобъ не оставались въ тягость селеніямъ, такимъ образомъ наказанные за преступленія, которыя между людьми низкаго состоянія, по грубости ихъ нравовъ и невѣжеству, особливо часты.

Изданныя послѣ того чрезъ нѣсколько лѣтъ и нынѣ существующія узаконенія о наказаніи за преступленія онаго рода, оправдываютъ мои рѣшенія и подтверждаютъ ихъ пользу.

Уставъ о наказаніи только рабочимъ домою за воровство, кражу и мошенничество не свыше двадцати рублей, конечно сдѣланъ въ томъ же намѣреніи, чтобъ за преступленія, кои въ народѣ особливо часто случаются, не существовало такое наказаніе, отъ котораго многіе дѣлались увѣчными и негодными въ рекруты; воровство же при всемъ томъ не уменьшалось,—какъ извѣстно изъ опытовъ. Конечно въ томъ намѣреніи, а не для того, чтобъ цѣною кражи цѣнить нравственное количество преступленія: ибо ежели судить о преступленіяхъ по тѣмъ побужденіямъ, изъ коихъ оныя производятся и, которыя, когда они достовѣрно извѣстны, могутъ быть единственно истиннымъ основаніемъ правильнаго опредѣленія мѣры наказаній—если судить, говорю, по онымъ побужденіямъ, то чѣмъ меньше соблазнительнъ предметъ преступленія, тѣмъ оно больше, и тѣмъ вящшей означается степень разврата въ преступникѣ.

Мицніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплею не должно вливаться въ наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій; все же превосходящее сію мѣру, есть только бесплодное терзаніе человѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему, или лютоści.

Всѣ казни должны быть соразмѣрны оной цѣли, и такъ распредѣлены, чтобъ сколько можно дѣйствительнѣе достигая къ ней, сколько же можно меньше изнурительны и мучительны для человѣчества были. Сіе есть неоспоримое правило человѣколюбія въ законодательствѣ, ко-его одинъ предметъ долженствуетъ быть—благо человѣчества на землѣ, и всевозможное приготовленіе его къ оному—въ вѣчности.

Такъ, конечно, цѣль наказаній и мѣра ихъ должны не иныя быть, какъ высказанныя мною. Мѣра ихъ и образъ должны такъ же сообразоваться съ господствующими качествами нравовъ народа и съ тѣмъ, что дѣйствительнѣе дѣлаеть въ нихъ впечатлѣнія, соотвѣтственно разнымъ состояніямъ людей, народъ составляющимъ.

Еслибъ можно было всегда проникать въ побужденія къ преступленіямъ, то и свойство и мѣра побужденій были бы конечно лучшими и самыми естественными указателями правила опредѣленія казни;

и тогда многія дѣла, или извиняемыя, или и за преступленія не считающіяся, по справедливости подверглись бы наказанію, столько же тяжкому, какъ самыя важныя преступленія, такія, коими гнушаются и безъ всякой пощады стремиться за нихъ наказывать тѣ сами, которымъ весьма обыкновенны оныя, какъ я сказалъ, преступленія, ими и въ нихъ даже часто непримѣчаемыя.

Напримѣръ: судья, которой не истощаетъ всего своего вниманія, судя челоуѣка въ уголовномъ дѣлѣ, и безъ совершеннаго увѣренія, или хотя и съ малымъ небреженіемъ осудить его на тяжкую казнь,—столько-жъ самъ ее заслуживаетъ, и столько-жъ преступникъ, если не больше, какъ неумышленной убійца, и даже такой, которой убилъ разсерженъ будучи. Кто наклонилъ вѣсы Суда, и, хотя не изъ мздоимства, но изъ уваженія къ пріязни или въ угожденіе лицу сильнаго, и чрезъ то лишилъ кого либо собственности его несправедливо, конечно не меньше виноватъ бѣднаго невѣжи, укравшаго отъ крайности, и отъ того что не имѣлъ при ней довольно разума и твердости духа одолѣть себя при соблазнѣ.

Думаю что такъ же не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни; потому что въ *христіанскихъ* правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ; и что нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ не исполнится, и что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества, въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни.

Тяжкія наказанія и заточенія, употребляемыя вмѣсто смертной казни, при способахъ, какъ я сказалъ, исправленія наказуемыхъ, къ возможному еще улучшенію жребія ихъ, и въ здѣшней жизни сохраненія ихъ всегда на полезную для Государства работою службу, столько-же могутъ примѣромъ устрашать и удерживать отъ злодѣяній, если еще не больше, какъ смертная казнь. Нерѣдко случается, что люди сами себя лишаютъ жизни отъ страха наказаній и лишенія свободы.

Извѣстны примѣры христіанскихъ мучениковъ, сихъ героевъ истинныхъ, предававшихъ себя на истязанія изъ подвига вѣры и чистой любви къ Богу Спасителю; такъ же и героевъ языческихъ, потерпѣвшихъ муки изъ любви къ отечеству и для славы, искомой самолюбіемъ; но злодѣи малодушны и слишкомъ привязаны къ сладостямъ жизни, чтобъ не страшиться страданій и неволи.

Обращаюсь къ предсѣдательству моему въ Московской Уголовной Палатѣ.

Графа Захара Григорьевича Чернышева не стало въ 1784-мъ году, лѣтомъ. Преемникъ его Главнокомандующій въ Москвѣ,*) сначала очень обласкалъ меня; но скоро открылся моимъ гонителемъ. Я его извиняю, по привычкѣ его къ властолюбію, коей угожденіями дали въ немъ укорениться, и по тому предубѣжденію противъ меня, съ которымъ онъ отправился изъ самаго Петербурга, и которому, въ разсужденіи силы его источника, не имѣлъ онъ довольно твердости не покорится. Слабость такая въ немъ, была слишкомъ обыкновенна многимъ придворнымъ. О семъ обстоятельствѣ скажу въ своемъ мѣстѣ по приличности, теперъ же объ немъ только относительно ко мнѣ въ Палатѣ.

Первое неудовольствіе его, собственное противъ меня, было за то, что малое число ударовъ Палатою опредѣлялось. Онъ возвратилъ мнѣ внесенный къ нему на утверженіе приговоръ, коимъ опредѣлено было одному убійцѣ дать 50-ть ударовъ, каковаго числа больше при мнѣ никогда не полагалось, возвратилъ съ тѣмъ, чтобъ перемѣнить и гораздо прибавить. Я не согласился и сперва очень учтивымъ и, надѣясь лучше успѣть, нѣсколько шуточнымъ образомъ отговаривался и представлялъ ему причины. Но когда онъ, не внимая имъ упорствовалъ въ своемъ требованіи, думая даже, что имѣеть къ тому право, и настаивалъ уже, съ досадою, то я ему твердо и рѣшительно сказалъ, что опредѣленіе не будетъ перемѣнено; что никогда жесточайшихъ при мнѣ наказаній не будетъ; что какъ Палата, по учрежденіямъ, не должна перевершивать своихъ рѣшеній, такъ и онъ не имѣеть права возвращать ихъ, а ежели онъ не согласенъ, и не угодно ему такое число ударовъ, то можетъ прибавку испрашивать представленіемъ своимъ Правительствующему Сенату.

Можно себѣ вообразить, какъ разгнѣвался господинъ Главнокомандующій. Однако нисколько не оказалъ грубости; много только горячился и кричалъ: „Какъ, разбойникамъ, смертоубійцамъ давать только по 50-ти ударовъ!“ — По сколько жъ бы ваше Сіятельство думали, — спросилъ я его. — „По сколько? — отвѣчалъ, — двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ.“ — „Да эдакъ будешь засѣкать до смерти.“ — „Чегожъ жалѣть? — говорилъ онъ; — и это же наказаніе вмѣсто смертной казни.“ — Такъ, отвѣчалъ я, но отмѣна смертной казни, къ величайшей славѣ Россійскаго скиптра

*) Графъ Брюсъ.

въ первой Россіи учрежденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія; а ежели вмѣсто того, чтобъ отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранскій и всякая такая мѣра наказанія сего рода, которая можетъ лишить жизни, уже есть большее преступленіе онаго закона милосердія.—

Графъ мой сталъ тише;— „Однакожь—говорилъ мнѣ,—странно, что вы такъ разсуждаете: вѣдь можетъ многа случиться, что наказуемый умретъ и отъ 10-ти ударовъ“.—Конечно,—я говорилъ,—это можетъ иногда случиться, по какимъ нибудь непредвидимымъ причинамъ и съ моей стороны безвинно; но если я буду давать такія сотни ударовъ, то при явномъ тиранствѣ своемъ долженъ быть увѣренъ, что люди и умирать будутъ подъ кнутомъ непремѣнно.— „Но какъ же вы узнаете мѣру?“—спросилъ онъ меня уже самымъ снисходительнымъ и серіознымъ тономъ.—Смотря по лѣтамъ по сложенію, по состоянію здоровья и проч.,—отвѣчалъ я ему.

Вдругъ онъ мнѣ говорить: „Я вамъ очень благодаренъ, вы одолжили меня, вы меня вразумили; признаюсь, что я никогда не видалъ такъ ясно этой истины, и всегда думалъ, что при наказаніяхъ вмѣсто смерти, такого разбора не надобно. Вы меня убѣдили. Соглашаюсь съ вашимъ опредѣленіемъ, и даю вамъ слово никогда съ вами не спорить“. Онъ подлинно сдержалъ его, и даже во время пущей своей злобы наконецъ противъ меня, неостанавливалъ ни одного приговора Палатскаго.

Я разсказалъ сіе происшествіе какъ достойное примѣчанія и по той чести, какую оно дѣлаетъ особливо самому согласившемуся; и тѣмъ больше,—чѣмъ онъ упрямѣ былъ и самолюбивѣе. Жаль только, что такія нужныя истины такъ поздно становятся знакомы людямъ, занимающимъ важнѣйшія въ Государствѣ мѣста и управляющимъ нѣсколькими Губерніями. И конечно, не одинъ изъ нихъ Графъ Брюсъ, бывалъ въ подобномъ заблужденіи; но немногіе, столь почтенно какъ онъ, и съ такою пользою, признавались въ ономъ.

Расположеніе его тѣснить меня, однакожь, продолжалось, и, думаю, отъ того сильнаго предубѣжденія, которому, какъ сказалъ я выше, не могъ сопротивляться, всевозможныя выискивалъ онъ къ тому средства; посадилъ въ Палату двухъ членовъ, коимъ онъ покровительствовалъ, съ тѣмъ, чтобъ они всячески шли противъ меня. Но, несмотря на обѣщанныя имъ за то награды, и на ужасныя угрозы за противное, они всегда были со мною согласны.

Такое согласіе со мною, какъ въ это время, такъ и во всю бытность мою предсѣдателемъ въ Палатѣ, меня даже безпокоило. Часто пенялъ я за него моимъ товарищамъ, говоря: для чего никогда они не спорятъ? неужель я никогда не ошибаюсь? А ошибки въ уголовныхъ дѣлахъ страшны,—они всегда отвѣчали, что нельзя и не смѣютъ спорить противъ справедливости и порядка.—Можетъ быть они пристрастны ко мнѣ были; но что я всѣми силами старался о правдѣ и порядкѣ, то истинно. Такъ же отзывались самому покровителю своему и два члена, опредѣленные отъ него для войны со мною, при всѣхъ имъ отъ него ручательствахъ.—И онъ наконецъ рѣшился наглымъ образомъ открыть свое гоненіе.

Пришло время въ Палатѣ производить то дѣло о купцахъ, о которомъ я описывалъ, по случаю несогласія моего принять Имянной Указъ, не въ должномъ порядкѣ объявленный. Дѣло сіе было очень пространное, и требовало еще пополнительнаго производства. Главнокомандующій вдругъ даетъ предложеніе, въ которомъ пишетъ, что дѣло оное отъ нерадѣнія присутствующихъ въ Палатѣ, и, особливо предсѣдателя,—въ медленности; чтобъ оно непременно въ двѣ недѣли было рѣшено; а ежели не рѣшится въ это время, то предсѣдатель и члены отрѣшены будутъ.

По сему предложенію дѣлается справка, и на другой день подается Главнокомандующему отъ Палаты отвѣтъ, въ которомъ изъясняется, что дѣло, коего окончанія требуетъ онъ въ двѣ недѣли, въ одномъ Экстрактѣ своемъ на 1000 листахъ, и еще производствомъ не совсѣмъ кончено; а потому въ назначаемый имъ срокъ никакъ рѣшено быть не можетъ; и что, впрочемъ, не имѣетъ онъ законнаго права назначать такихъ сроковъ, когда генеральнымъ регламентомъ на сочиненіе однихъ опредѣленій по обширнымъ дѣламъ дается времени шесть недѣль; что наконецъ, исправность Палаты показывается числомъ дѣлъ рѣшенныхъ съ начала ея открытія, изъ которыхъ ни одно не было остановлено главнокомандующимъ и имъ самимъ. При такомъ отвѣтѣ вручилъ я Графу Брюсу, для представленія Сенату, и просьбу о увольненіи меня отъ службы.

Онъ ее принялъ; однакожь не послалъ въ сенатъ, а на первой почтѣ написалъ жестокою на меня жалобу Государынѣ: представилъ меня непослушнымъ, надменнымъ и такимъ, надъ которымъ нужно оказать примѣръ строгости. Однако Государыня съ кротостію, которая отличала ее, изволила только отвѣчать ему: „чтобъ онъ не оставилъ,

призавъ меня къ себѣ, объявить мнѣ отъ себя, что неприлично бы было пріемника моего обременять такимъ дѣломъ, которое долженъ былъ рѣшить я самъ; чтобъ я остался рѣшить его, и что не буду я отставленъ, прежде его рѣшенія“.

Главнокомандующій на первой же почтѣ получивъ отвѣтъ сей на его донесеніе, о которомъ я совсѣмъ и не зналъ, вмѣсто того, чтобъ призвать меня къ себѣ, велѣлъ въ Губернскомъ Правленіи объявить мнѣ онѣй указъ, съ исключеніемъ изъ него словъ: *отъ себя*, и съ прибавленіемъ въ предложеніи своихъ выговоровъ. Объявленіе такое въ Присутствіи правленія дѣлалъ мнѣ губернаторъ. Я отвѣчалъ, что очень жалѣю, что нѣтъ въ Присутствіи самаго Главнокомандующаго, и что я не могу ему лично сказать, что онъ самой дерзкій нарушитель закона, объявляя Имянной и подписанный указъ съ перемѣною словъ его, (ибо я уже зналъ тогда точныя слова рескрипта), что Ея Величество, какъ мудрая Государыня и законодательница, конечно не изволитъ столь торжественно отвергнуть никакого закона, особливо такъ важнаго, какъ есть указъ о вольности дворянства, дозволяющій ему оставлять службу; но какъ Ей угодно было не исполнить мою просьбу, то она о томъ имянно повелѣла Главнокомандующему, объявить мнѣ только отъ себя: что впрочемъ повелѣніе сіе пріемлю я знакомъ Высочайшей ко мнѣ довѣренности, и хорошаго обо мнѣ заключенія Ея Величества; ибо безъ того неестественно было бы оставлять меня въ службѣ для рѣшенія важныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ остался я предсѣдательствовать въ палатѣ, въ которой между прочими рѣшилось чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и оное большое о купцахъ дѣло. По особенному уваженію его въ разсужденіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, и наипаче относительно къ графу Захару Григорьевичу, при коемъ оно началось, и котораго злоба и клевета хотѣли представить пристрастно въ немъ участвующимъ, приказано было отъ Государыни, чтобъ когда оно рѣшится, то ни въ какомъ случаѣ не приводя въ исполненіе приговора, представить его чрезъ Главнокомандующаго Ея Величеству. Тогдашній Главнокомандующій представилъ его съ мнѣніемъ своимъ противнымъ; но Государынѣ угодно было опредѣленіе палаты, съ коимъ согласно рѣшилъ и Сенатъ по ея волѣ.

Послѣ рѣшенія дѣла сего въ палатѣ, графъ Брюсъ тотчасъ отослалъ удержанную имъ у себя мою просьбу объ отставкѣ въ Сенатъ, съ прописаніемъ, вмѣсто Аттестата, всего происшествія, и съ повтореніемъ своей на меня жалобы: однако я уволенъ былъ съ награжденіемъ чина статскаго Совѣтника. Сіе было въ Маѣ 1785-го года.

Книга вторая

Время отставки было для меня самое спокойное, самое приятное и самое интересное.

Проживъ лѣто, осень и половину зимы, 1785-го года, въ деревнѣ съ отцомъ и братомъ моимъ, возвратились мы въ Москву, въ которой съ того времени жилъ я больше десяти лѣтъ сряду, внѣ ея не ночевавъ ни одной ночи.—На первыхъ дняхъ нашего въ нее прїѣзду, отецъ мой, имѣвъ слишкомъ 80 лѣтъ, лишился зрѣнія, и главнымъ упражненіемъ моимъ было попеченіе о семь родителей, истинно добромъ и чадолубивомъ.

Свободные часы я проводилъ въ чтеніи духовныхъ книгъ, которыя стали тогда моими любимыми *), въ бесѣдахъ съ друзьями, имѣвшими ту же склонность и много занимался, какъ уже и за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, извѣстнымъ обществомъ, которое и понынѣ называютъ Мартинистскимъ, и о коемъ много было и есть, странныхъ и ложныхъ заключеній, происходящихъ или отъ пристрастія, или отъ злобы, или отъ невѣжества. Мартинистскимъ же его называли потому, что въ то же время, какъ оно сдѣлалось здѣсь извѣстнымъ, *Мерсье*, въ своей картинѣ Парижа называлъ тамъ мартинистами нѣкоторое число людей, съ особымъ любопытствомъ занимавшихся чтеніемъ недавно

*) Никогда не былъ я еще постояннымъ вольнодумцемъ, однакожъ, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства.

Читая извѣстную книгу (*Systeme de la Nature*) съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе изъ сей книги подъ именемъ устава натуры („*Code de Nature*“) и перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ.—Напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣивать его въ рукописяхъ.—Но только что дописали первую самымъ красивымъ письмомъ,—какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе,—не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ,—какъ бы въ очищеніе себя, разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., которое въ первой разъ напечатано помнится, въ 1780-мъ году. Теперь у меня нѣтъ ни одного экземпляра. Вторымъ изданіемъ—въ 1787-мъ году, съ котораго напечатана въ прошломъ 1809-мъ въ февральской книгѣ ежемѣсячнаго изданія: „Другъ юности“.

Сіе произошло года за два до вступленія моего въ общество. Первые же книги родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были извѣстная „О истинѣ“, и Арндта—„О истинномъ христіанствѣ“.

вышедшей известной книги „о заблужденіяхъ и истинѣ“, которая тогда же у насъ была переведена и напечатана и которой сочинитель былъ нѣкто *Ст. Мартень*, мужъ почтенный своими знаніями и добродѣтелями.

Цѣль сего общества была издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности, истинно Евангельской, перевода глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанію, помогая, особливо готовящимся на проповѣдь Слова Божія, чрезъ удобнѣйшія средства пріобрѣтать знанія и качества, нужныя къ оному званію, для чего и воспитывались у насъ больше пятидесяти семинаристовъ, которые отданы были отъ самихъ Епархіальныхъ архіереевъ съ великою признательностію.

Члены общества сего упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ премудрости гл. 7, ст. 17—22.*) Содержащимся въ Библии и въ писаніяхъ мужей непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ. Возможность же откровенія онаго во всѣ времена не сумнительна для всякаго разумнаго и вѣрующаго христіанина, и самый не христіанинъ, но только бытіе всемогущаго Бога не отрицающій и здравый имѣющій смыслъ, не можетъ отвергать возможности противъ разсудка.

Вотъ какое было наше упражненіе: мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшнымъ; но простолюдинская пословица: *впкъ живи впкъ учишь*,—гораздо умнѣе такого смѣха.

Когда человѣкъ сколько нибудь съ благоразуміемъ помыслить о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди и самими разумными слывущіе, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія, и для истиннаго блага въ самой здѣшной жизни, которое состоитъ въ томъ—*Едино*мъ, чего никто и ничто лишить человѣка не можетъ.

*) „Сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе неложное познати составленіе міра и дѣйствіе стихій, начало и конецъ и средину временъ возвратовъ перемѣны, и измѣненіе временъ, дѣтъ, круга и звѣздъ разположенія,—естество животныхъ и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиліе и помышленіе человѣковъ, разнство лѣтораслемъ и силы корней.“

Единое сіе, заключается въ духъ Христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка,—въ духъ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственной источникъ совершенной добродѣтели.

Въ школахъ и на кафедрахъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго,—но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна: какъ бы разслабленнаго больнаго, не выльчивъ и не укрѣпивъ, заставляя ходить и работать.

Надобно человѣку, такъ сказать, морально переродится. Тогда Евангельская нравственность будетъ ему природна; тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго, и очень возможно будетъ ему исполненіе заповѣди: обращать другую щеку, ударившему по одной; заповѣди, которой смыслъ есть конечно тотъ, чтобъ въ самомъ глубокомъ смиреніи и безъ гнѣва сносить обиды. Примѣръ чувствованій, съ какими сносимъ мы, порочны будучи, огорченіе и обиды отъ тѣхъ, коихъ любимъ по страстямъ своимъ, легко можетъ объяснять намъ возможность неограниченнаго терпѣнія и любви къ ближнимъ и къ самымъ врагамъ своимъ, у людей, имѣющихъ сердца, очищенныя божественною добродѣтелію.

Сіе моральное перерожденіе, чрезъ которое только человѣкъ становится образомъ и подобіемъ Божиимъ, и которое долженствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій Христіанской Церкви,—не можетъ конечно произойти безъ дѣйствія силы Всемогущей: но непременно содѣйствовать оному должна и воля человѣческа, коей свобода дана отъ Бога, какъ даръ величайшій, и особенно составляющій величіе человѣка. Самопознаніе долженствуетъ руководствовать оное содѣйствіе, открывая человѣку, сколь далеко онъ совратился съ пути истиннаго, съ пути нерушимаго блаженства своего. Познаніе Творца и творенія открываютъ человѣку связь его съ ними, и цѣль его созданія. Безъ сего познанія не можетъ быть основательное познаніе самого себя. Безъ познанія же самаго себя, не можно имѣть премудрости: страхъ Божій есть начало ея. О семъ пишутъ и говорятъ при всякомъ воспитаніи, но ни мало не пекутся вселять спасительный страхъ сей въ души.

Здѣсь представляется вся глубина того паденія и забвенія, въ которомъ живемъ. Всякой скажетъ, что онъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что *Богъ вездѣ, все знаетъ, все видитъ и все слышитъ*, въ чемъ

не можно конечно и сомнѣваться, не сомнѣваясь въ бытіи Божіемъ. Но ежелибъ имѣли мы въ сердцахъ истинную, какъ должно, къ сему вѣру, то какъ бы могли мы, зная что всегда мыслимъ и дѣйствуемъ предъ Очами Божіими, мыслить и дѣйствовать такимъ образомъ, какъ бы мы постыдились, или убоялись, и предъ человѣкомъ цѣломудреннымъ или почтеннымъ.

Не можно довольно съ самаго младенчества и до конца жизни воспитывать въ людяхъ оный святой навыкъ ощущенія вездѣ присутствія Божія. Одно сіе ощущеніе можетъ раждать страхъ Божій, который есть соль истинной добродѣтели, и коего совершенство должна быть любовь, побуждающая вести жизнь угодную Богу, не изъ страха наказаній отъ него, а изъ любви къ нему; подобно тому, какъ дѣти, прямо любящіе родителей чадолюбивыхъ, опасаются огорчить ихъ, не для того, что боятся ихъ наказаній.—Они увѣрены въ ихъ любви, коей нѣжность оскорбить боятся.

Но и самыя наказанія Божія, въ здѣшней жизни и по смерти, суть только очистительныя дѣйствія любви Его къ намъ, и слѣдствія нашей собственной нечистоты и грѣховъ нашихъ, какъ боль рѣзца въ рукахъ врача бываетъ иногда необходимымъ средствомъ къ исцѣленію болѣзни, которая есть слѣдствіе порока и невоздержности.

Вотъ нѣкоторыя черты предмета бывшаго у насъ общества, и нашихъ въ немъ упражненій. Люди, какъ бы почитающіе себя за должность осуждать другихъ и порицать то, чего совѣмъ не знаютъ, распускали разныя объ насъ толки. Шумъ былъ великъ, потому что людей такихъ много, и больше еще тѣхъ, которые столько же охотно вѣрятъ всякому дурному о другихъ, сколько не хотятъ повѣрить доброму.

Порочили особливо тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее. Отвѣтъ на это легокъ: для чего въ собраніяхъ, такъ называемыхъ лучшихъ людей, или публики, не только никогда не говорятъ, да и не можно говорить о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, и о томъ, какъ порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи и проч.

Между тѣмъ коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанныя, старались представить насъ подозрительными, и для спокойства общаго не безопасными. Такимъ

образомъ дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было не мало. Но одинъ хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ, въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ, хотя, при разныхъ переворотахъ и жизнь его окончалась среди блеску онаго, для поддержанія себя, выдумывалъ навлечь подозрѣнiе на существовавшую, будто бы, связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы.

Искусно внуша такое подозрѣнiе, искусно же недопускалъ онъ и до розыска; вѣроятно для того, что не имѣлъ сердца жестокого, и при всей своей политической нещадности не хотѣлъ онъ жертвовать людьми, никакого зла ему не причинившими; каковыя жертвы, подобные ему характеры приносятъ себѣ только тогда, когда сіе необходимо требуется ихъ интересами, для которыхъ они, кромѣ себя,—всѣмъ жертвуютъ.

Сіе вѣроятно; а извѣстно то, что розыскъ бы обличилъ его выдумку, которая тогда обратилась бы во вредъ ему самому. Итакъ, онъ старался только питать вселенное имъ подозрѣнiе, выставляя себя за знающаго все, что въ Государствѣ происходитъ съ тѣмъ, что когда онъ хранитель особы Государыниной, то ей нечего опасаться: онъ все предупредить.

По сему расположенію удерживалъ онъ отъ строгостей, и всѣ слѣдствія возбужденнаго подозрѣнiя и гнѣва Государыни на общество долго ограничивались тѣмъ, что нѣсколько разъ запечатаны были и пересматриваны изданныя нами книги. Нѣкоторыя изъ нихъ запрещены и Н. Н. Новиковъ отосланъ былъ на испытаніе въ законъ къ Московскому Архіепископу, которой нашелъ его такимъ христіаниномъ, какихъ бы желалъ, чтобъ было больше. Сими словами доносилъ Преосвящ. Платонъ о порученномъ ему испытаніи.

Первое же дѣйствіе придворнаго негодованія на общество наше явно открылось противъ меня; и сіе-то было оное сильное предубѣжденіе, съ которымъ Графъ Брюсъ пріѣхалъ начальствовать въ Москву, и коимъ особливо побуждаясь, гналъ онъ меня, какъ я описывалъ.

По пріѣздѣ своемъ въ Москву, не только обходился онъ со мною крайне ласково и учтиво; но даже увѣрялъ, и, казалось, искренно, въ желаніи имѣть самое короткое и пріятельское со мною знакомство, изъясняя при томъ особое ко мнѣ уваженіе. Сіе продолжалось нѣ-

сколько времени и послѣ расказаннаго мною спора моего съ нимъ о числѣ ударовъ, при которомъ поступилъ онъ такъ похвально.

Но вдругъ Графъ Брюсъ говорить мнѣ наединѣ, что извѣстно, что я нахожусь въ ономъ обществѣ, и что онъ, — хотя самъ бывалъ въ подобномъ, и зная всю святость его цѣли и упражненій, понесетъ онъ въ сердцѣ своемъ уваженіе къ нимъ и во гробъ (сіи были точныя его слова), однако, въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже нечестойно симъ заниматься. Если это таково, какъ ваше сіятельство сказывать изволите, отвѣчалъ я ему, то мнѣ кажется, что чѣмъ больше лѣтъ и чиновъ имѣеть человекъ, и чѣмъ важнѣйшею обязанъ должностью, тѣмъ пристойнѣе и нужнѣе упражняться ему въ томъ, что его просвѣщаетъ, учить добродѣтели и заставляетъ исполнять ея правила.

Разговоръ нашъ былъ длинный и долго съ обѣихъ сторонъ равнодушный. — Предметъ его былъ тотъ, что графъ Брюсъ настоятельно требовалъ, чтобъ я оставилъ общество и упражненія онаго и что это будетъ угодно Государынѣ. — Волю Ея о семъ что ли, — спросилъ я его, — объявляете вы мнѣ? — Нѣтъ, говорилъ онъ, но можете разумѣть, что не отъ себя говорю я вамъ это. — Чтожъ, отвѣчалъ я, неужели Государыня изволить знать о моихъ связяхъ и упражненіяхъ? Я думаю, едва ли Ей извѣстно мое имя и существованіе на свѣтѣ. — Да, сказалъ онъ, вы Ей слишкомъ извѣстны, и Она требуетъ непременно отъ васъ того, что вы отъ меня слышите. — Позвольте мнѣ усумниться, говорилъ я, чтобъ такой мудрой Государынѣ было не угодно такое доброе дѣло, какимъ и вы его признаете. — Да, Она не такъ думаетъ, отвѣчалъ онъ. — Можетъ быть потому, говорилъ я, что оно ей не прямо извѣстно; такъ стоитъ ей только объяснить, а объ дѣлахъ добрыхъ не только полезно, да и долгъ вѣрноподданнаго объяснить Государямъ правду. — Ты поди объясняй Ей, сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ; и очень съ сильнымъ требовалъ моего согласія на его предложеніе.

Я говорилъ, что осмѣливаюсь сказать ему откровенно, и такъ, что онъ можетъ донести мои слова самой Государынѣ, что не могу я повѣрить, чтобъ Ея Величеству угодно было, чтобъ кто нибудь оставилъ столь хорошія упражненія. Если жъ Она того желаетъ по противному объ нихъ понятію, не имѣя способовъ получить истиннаго, то я думаю, угождать въ такомъ случаѣ мыслямъ Ея, была бы слабость и чувство противное тому уваженію, какое имѣтъ естественно къ столь великой Государынѣ; и что великодушіе Ея представляю я себѣ въ столь высокомъ степені, что такіе то подлые угождатели

должны Ей больше всего быть не угодны.—Знайте-жь,—сказалъ мнѣ графъ мой, голосомъ дрожащимъ отъ досады,—что съ теперешней минуты буду я вамъ всякое зло дѣлать,—и побѣжалъ вонъ, хлопнувъ дверью, а я спокойно поѣхалъ домой.

На другой день далъ онъ то грозное предложеніе палатѣ, о коемъ я описывалъ. И къ дѣлу о купцахъ онъ только придрался. Принося на меня Государынѣ жалобу за поданное мною объясненіе и удержанную имъ просьбу мою объ отставкѣ, описывая упрямство мое будто по службѣ, описалъ онъ конечно, и съ отгѣнками еще своими и послѣднюю оную между нами сцену. Государыня имѣла привычку его жаловать; а онъ къ ней писывалъ свободно.

Итакъ въ концѣ 1784-го года открылись давно уже продолжавшіяся негодованія и подозрѣнія Двора противъ нашего общества.

Коварство, клевета, злоба, невѣжество и болтовство самой публики питали ихъ и подкрѣпляли. Одни представляли насъ совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводитъ вольность; а это дѣлалось около времени французской революціи;—третьи,—что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостыню; иные рассказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, не вѣря при томъ существованію духовъ*) и разныя разглашали нелѣпости, которымъ столько жъ неблагоразумно вѣрить, сколько не похвально распускать ихъ. Однако всѣ сіи слухи имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны; ибо—и святыя и бунтовщики и проказники и суевѣры и замысловатые обманщики,—всего этого, разсудя, нельзя связать хорошенько.

У страха, говорятъ, глаза велики; вотъ отчего прямо родились и возрасли негодованія оныя и подозрѣнія. А сему содѣйствовали: довѣренность къ навѣтамъ, обычай слушать шпионовъ, которые должны необходимо лгать, потому что ежели они будутъ доносить правду о тѣхъ, коихъ подозрѣваютъ напрасно, то естественно потеряютъ нещастную къ нимъ довѣренность, а съ нею корысть свою; обычай также полагаться на искусство полиціи, которая почти всегда строитъ свою фортуна на безпокойствѣ жителей, вмѣсто того, чтобъ ей сохранять ихъ покой.

*) Вѣрю что есть Богъ Всемогущій, Творецъ, Духъ Непостижимый и, конечно, Вездѣсущій,—весьма безразсудно думать, что строенія Его ограничиваются однимъ видимымъ нами твореніемъ, и не вѣрить бытію существъ невидимыхъ; а полагая бытіе оныхъ, безразсудно же не вѣрить, чтобъ они могли имѣть вліяніе на человѣковъ.—

Много также дѣйствовали предубѣжденія и ненависть, которыми съ невѣжествомъ, исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемые нами книги.

Все сіе усилилось началомъ революціи въ Парижѣ въ 1789-мъ году, которой произведеніе тогда приписывали тайнымъ обществамъ философовъ: только ошибка въ этомъ заключеніи была та, что и общества оныя и система были совсѣмъ непохожи на наши. Нашего общества предметъ былъ добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства, при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ: а система наша,—что Христосъ начало и конецъ всякаго блага и добра въ здѣшней жизни и будущей. Той же философій система,—отвергать Христа, сомнѣваться въ безсмертіи души, и едва вѣрить, что есть Богъ, и надуваться гордостію самолюбія; а обществъ оныхъ предметъ былъ заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству.

Но изъ того, что бывають тайныя общества вредныя, никакъ не можно съ благоразуміемъ заключить, чтобъ не могли быть и полезныя. Извѣстны примѣры, что давали отраву въ причастіи; но чтожь изъ того заключить должно противъ причастія? Мистеріи древнихъ служатъ сильнымъ доказательствомъ возможности добрыхъ и полезныхъ обществъ тайныхъ.

Впрочемъ, главною причиною революціи ставитъ самую оную философію и общества, похоже мнѣ кажется на то, какъ иногда больные, изнутивъ себя, и всѣ свои соки испортивъ невоздержностью, и неосторожностью, не желая признаться въ прямыхъ причинахъ своихъ болѣзней, стараются ихъ приписывать какимъ нибудь неважнымъ постороннимъ случаямъ, въ коихъ они невинны и которые бы для нихъ совсѣмъ нечувствительны были, еслибъ разслабленное тѣло ихъ не было уже готово разрушиться.

Злоупотребленіе власти, ненасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ,—вотъ прямые и одни источники революціи. Всѣ законодательства, всѣ училища, всѣ устройства безъ истиннаго живаго духа вѣры—безъ духа Христова—безъ свѣта премудрости Божіей, суть, то для тѣла политическаго,—что безъ кровоочистительныхъ лѣкарствъ пластыри, могущіе залѣчивать наружныя болячки, для больнаго, у котораго кровь нечистотами испорчена.

Неудовольствія оныя Правительства, подозрѣнія, скрытныя при-
смотры полиціи, толки и шумы публики, то уменьшаясь, то прибав-
ляясь, продолжались лѣтъ семь. Много имѣли мы непріятелей, а за-
щитниковъ съ голосомъ никого: ни при Дворѣ, нигдѣ.

Мы столько были невинны, что и не старались оправдываться; а
только при случаяхъ, простодушно говорили правду о цѣли и упраж-
неніяхъ нашего общества,—но намъ не вѣрили.

Хотя и собранія наши наконецъ пресѣклись, однако подозрѣніе
на насъ нисколько не уменьшилось. Открывали на почтѣ наши письма,
и всѣхъ моихъ писемъ копіи, особливо къ одному тогда пріятелю,
въ чужихъ краяхъ, отсылались къ Государынѣ. Я симъ ни мало не
безпокоился и, зная, писалъ всегда такъ, какъ бы говорилъ одинъ
на одинъ въ полной откровенности.

Однажды вздумалось мнѣ воспользоваться симъ обстоятельствомъ,
чтобъ въ письмѣ къ моему пріятелю, кстати расположа, описать все
существо и дѣйствія нашего общества, и такъ справедливо, что ни-
какими бы слѣдствіями и розысками, онаго не могло открыться, потому
что Самъ Сердцевѣдецъ видѣлъ, что иного не было. И подлинно въ
планѣ и общихъ дѣйствіяхъ нашего общества не было ничего, кромѣ
очень добраго и полезнаго для сердецъ нашихъ и для отечества.
Если же и были между нами частныя въ обществахъ ошибки, то они
имѣли не больше вліянія на общее спокойствіе Государства, какъ сла-
бости и ошибки милліоновъ, составляющихъ его и подверженныхъ
такимъ недостаткамъ,—въ человѣчествѣ.—Въ письмѣ томъ къ пріятелю
моему повторилъ я сказанное мною нѣкогда Графу Брюсу—что и Го-
судари могутъ ошибаться; и что ежели Государыня, не имѣя прямаго
понятія о какой нибудь доброй вещи, дурныхъ объ ней мыслей, то
никакъ нѣтъ долга соображаться съ такимъ ея заключеніемъ и угож-
дать ему была бы величайшая подлость: измѣна въ душѣ правиламъ
добродѣтели грѣхъ предъ Богомъ, и предъ Ея собственно истиннымъ
величіемъ. Я написалъ сіе точно для того, чтобъ они прочитали.

Еще изданіемъ и публичною продажею нѣкотораго катихизиса,
употребилъ я средство представить въ самыхъ истинныхъ и краткихъ
чертахъ всѣ начала науки и нравственности нашего общества. Сіе
мнѣ случилось нечаянно. Часто бывалъ я тогда у Преосвящ. Пла-
тона Митроп. Московскаго, котораго отличнымъ благорасположеніемъ
я пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего

общества, однакожь разставались мы всегда пріятелями. Однажды, разговаривая съ нимъ, всё возраженія на его критику родили у меня мысль объ ономъ катихизисѣ, и я его тутъ же составилъ такъ, что пріѣхалъ домой, тотчасъ его написалъ и, переведя на французской языкъ и напечатавъ его въ типографіи компаніи нашей, отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ. Все сіе тогда извѣстно было только троемъ изъ самыхъ короткихъ моихъ пріятелей.

Я помѣщу его здѣсь. Не знаю сходно ли это будетъ съ порядкомъ историческаго сочиненія. Но я уже сказалъ, что я неученый, слѣдовательно, несоблюденіе мною правилъ учености извинительно, особливо въ сихъ запискахъ, которыя пишу только для пріятелей и для любопытныхъ*), изъ коихъ, можетъ быть, охотники до сказокъ будутъ быть мою читать тѣмъ охотнѣе, что это подлинно было и тетрадка та, можетъ быть, пріятна будетъ ихъ любопытству. Вотъ она:

ПРАВООУЧИТЕЛЬНЫЙ КАТИХИЗИСЪ.

Истинныхъ Ф-къ М-въ.

Аще сынъ вы свободитъ тогда свободни будете.

1. Истинный ли ты Ф. М?

Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная земля, и тѣ воды, на коихъ носился духъ Великаго Строителя вселенной при ея сотвореніи.

2. Чѣмъ наипаче отличается истинный Ф. М?

Духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ христіанскимъ.

3. Какая цѣль Орд. истинныхъ Ф. М?

Главная цѣль его та же, что и цѣль истиннаго христіанства.

4. Какой главной долгъ истиннаго Ф. М?

Любить Бога паче всего, и ближняго какъ самаго себя, или еще болѣе, по примѣру Св. Павла, который желалъ даже быть АнаѰема и отлученъ быть отъ Іисуса Христа ради своихъ братій (Рим. IX. 3.)

*) Записки сіи диктовалъ я по вечерамъ, для преспровожденія времени и никогда бы они сочинены не были, еслибъ мнѣ писать своею рукою.

5. Какое должно быть главное упражненіе (работа) истинныхъ Ф. М?

Послѣдованіе Иисусу Христу.

6. Какія суть дѣятельнѣйшія къ тому средства?

Молитва, упражненіе своей воли въ исполненіи заповѣдей и умерщвленіе чувствъ лишеніемъ того, что ихъ наслаждаетъ: ибо истинный Ф. М. не въ иномъ чемъ долженъ находить свое удовольствіе, какъ токмо въ исполненіи воли Небеснаго Отца.

7. Гдѣ истинный Ф. М. долженъ совершать свою работу?

Посредѣ сего міра, не прикасаяся сердцемъ къ суетамъ его, и въ томъ состояніи, въ которое каждый былъ призванъ. (1 Кор. VII. 20.)

8. Какіе суть самые вѣрные знаки послѣдованія Иисусу Христу?

Чистая любовь, преданность и крестъ.

9. На какой матеріи работаютъ мудрые отцы истинныхъ Ф-къ М-въ?

На той же изъ которой все сотворено.

10. Въ чемъ состоитъ ихъ искусство?

Въ наукѣ вѣдать тайны Царствія Божія, кои другимъ сообщаютъ они въ притчахъ, поколику то нужно къ созиданію царства Его.

11. Гдѣ мѣсто ихъ пребыванія?

Въ обновленномъ Эдемѣ.

12. Почему таинство Ордена не можетъ быть всякому извѣстно?

Потому же, почему не всякой можетъ видѣть и ощущать присутствіе Бога Вездѣсущаго.

13. Чѣмъ пріобрѣтается оное таинство?

Возрожденіемъ.

14. Что открывается сямъ таинствомъ?

То, чего око не видѣло и ухо не слышало и въ сердце человѣку не входило. Сіе то Богъ чрезъ таинство открываетъ возлюбленнымъ своимъ.

15. Всѣ ли Ф-къ М-ны должны искать онаго таинства?

Изучаясь познавать въ натурѣ пути къ нему ведущіе, должны они всѣ искать во первыхъ царствія Божія и правды его; и каждому изъ нихъ потребное приложится волею Божіею, которую одну любить должно.

16. Какихъ свойствъ долженъ быть тотъ, которой можетъ получить (имѣть) оное таинство?

Онъ долженъ быть таковъ, что хотя бы имѣлъ способъ излѣчать всѣ болѣзни тѣла и жить нѣсколько сотъ лѣтъ, по примѣру древнихъ праотцовъ, со всѣмъ тѣмъ, могъ бы терпѣливо сносить и не помогая себѣ, жесточайшую боль,—и быть въ готовности на завтра умереть безъ роптанія; также, чтобъ былъ готовъ сносить величайшую бѣдность, обладаючи способами производить богатства всего міра; и имѣя средство бесѣдовать съ Ангелами, могъ бы смиренно пребывать въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно волѣ Источника Свѣта, и, имѣя съ Иисусомъ Навиномъ силу остановить солнце и съ Ильею отверзать и затворять небо,—считалъ бы себя менѣе всѣхъ; и могъ бы скитаться безъ роптанія по землѣ, не имѣя мѣста, гдѣ на оной преклонить главу свою. Однимъ словомъ, ничѣмъ бы не желалъ наслаждаться и на все бы рѣшился, еслибъ оное потребно было для исполненія воли Небеснаго своего Владыки.

17. Какая должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего Государя?

Онъ должны царя чтить и во всякомъ (страхѣ) дѣлѣ повиноваться ему, не только доброму и кроткому, но и строптивому. (I Петр. 11, 17, 18, Евес. VI, .5. 7.)

18. Какія его обязанности въ разсужденіи властей управляющихъ?

Онъ долженъ быть покоренъ вышнимъ властямъ, не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти. (Рим. XIII, 1—5.)

19. Какая обязанность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи внѣшняго Богослуженія?

Почитая его установленія и обряды, долженъ прилежно ими пользоваться, какъ средствомъ для внутренняго, чему надлежитъ быть ихъ предметомъ во всѣхъ Христіанскихъ учрежденіяхъ Богослуженія внѣшняго.

20. Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ подвластными ему?

Наиболѣе онъ долженъ пецись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ въ страхѣ и ученіи Господнемъ, обязанъ наблюдать между ними правду (уравненіе) и управленіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небѣ, у Котораго нѣтъ лицепріятія. (Ефес. VI, 4, 9. Колос. IV, 1.)

21. Какъ долженъ онъ поступать со всѣми людьми вообще?—

Всѣхъ долженъ любить для Бога, желать имъ всѣмъ всякаго въ Немъ блага, и вспомоцествовать имъ, сколько ему возможно.

22. Какъ онъ долженъ быть расположенъ противу своихъ враговъ?

Любить ихъ.

23. А противъ тѣхъ кои клянутъ его?

Благословлять ихъ.

24. Какъ онъ долженъ поступать съ ненавидящими его?

Дѣлать имъ добро.

25-е. А съ тѣми которые гонятъ его?

Молиться за нихъ.

26. Какъ долженъ истинный Ф. М. поступать съ тѣми, которые у него просятъ?

Онъ не долженъ отказывать тому, кто хочетъ у него занять; просящему долженъ давать; и когда даетъ милостыню, то, чтобъ его лѣвая не знала, что дѣлаетъ правая *).

27. Что долженъ истинный Ф. М. дѣлать съ тѣмъ, кто хочетъ съ нимъ судиться и лишить принадлежалцаго ему?

Если кто хочетъ судиться и отнять у него платье, то долженъ онъ отдать ему и рубашку; и если кто пожелаетъ заставить его итти съ собою версту, то идти съ нимъ и двѣ. (Мат. V, 40, 41.)

*) Истинные Ф. М. должны наблюдать сіе правило во всѣхъ добрыхъ поступкахъ: также должны они молиться тайно, постясь умащать главу свою и умывать лице какъ сказано въ евангеліи и слѣдовать всѣмъ принятымъ въ обществѣ обычаямъ, какъ-то: въ нарядахъ, обхожденіи, въ образѣ домашней жизни и проч. тому подобномъ, избѣгая и вида лицемерія. (Мат. V. 42. VI. 3, 6.)

28. Что долженъ онъ дѣлать съ тѣмъ, кто его обидитъ?

Если кто ударитъ его по одной щекѣ, то онъ долженъ обратить ему и другую.

29. Слѣдовательно онъ не можетъ быть на войнѣ?

Истинный Ф. М. чтитъ Царя и повинуется властямъ управляющимъ.

30. Какое должно быть правило истиннаго Ф. М. въ исправленіи долга своего къ отечеству?—

Зная, что не только каждое дѣйствіе и каждое слово, но даже каждая мысль, каждый взглядъ, каждый вздохъ служатъ къ распространенію царствія Божія, или къ сопротивленію оному, имѣя непрестанно сіе въ виду, долженъ онъ помнить при всемъ, чтобъ онъ не дѣлалъ, что чрезъ оное могутъ открываться правда или благость Господня,— Котораго воля должна ему быть драгоцѣннѣе всего.

31. Какія чувства истинный Ф. М. долженъ имѣть къ своимъ родителямъ?

Долженъ ихъ почитать и любить (Ефес. VI. 1., 2.), но такую любовь, которая не препятствовала бы ему быть ученикомъ Иисуса Христа, рекшаго: „Аще кто грядетъ ко мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и мать и жену и чадъ и братію и сестеръ, ежели же и душу свою, не можетъ мой быти ученикъ“. (Лук. XIV. 26.) То есть: не можетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ тотъ, кто не только всѣми оными естественными связями, но даже и любовью къ самому себѣ и всякимъ къ себѣ прилѣпленіемъ, не пожертвуетъ дѣятельному исполненію ученія Христова и изъ ревности къ Нему не возненавидитъ, или не отвергнетъ въ оныхъ всего того, что можетъ ему препятствовать.

32. Можетъ ли истинный Ф. М. жениться?

Богъ, видя, что человѣкъ утопаетъ во снѣ грѣховномъ, благоволилъ сотворить ему помощницу, и, отдѣля отъ него натуру („часть“) женскую, сдѣлалъ изъ оной жену. (Быт. 11.)

Ученики Христовы услыша слова его о брачномъ состояніи, сказали ему: „лучше есть не жениться“. Онъ же рече имъ: „не всѣ вмѣщаютъ словеса сего („не всѣ могутъ не жениться“), но имъ же дано есть; и суть бо скопцы, иже изъ чрева матерня родишася тако; и суть

скопцы, иже скопишася отъ челоувѣкъ; и суть скопцы, иже исказиша сами себѣ, царствія ради небеснаго. Могій вмѣстити, да вмѣститъ“. (Мат. XIV. 10. 11.)

Въ откровеніи Іоанновомъ сказано о 144,000 искупленныхъ отъ земли: „сіи суть, иже съ женами не осквернишася, зане дѣвственники суть, сіи послѣдуютъ Агнцу, а може еще поидеть; сіи суть куплени отъ людей первенцы Богу и Агнцу, и во устѣхъ ихъ не обретется лествь предъ престоломъ Божиимъ.—(Апок. XIV. 45.)

А святой Апостоль Павелъ къ Коринфянамъ говоритъ: „хочу бо, да вси челоувѣци будутъ, якоже и азъ („въ безбрачїи и необщенїи плотскомъ съ женами“); но аще не удержаться (еели похоти плотской воздержаться не могутъ),—да посягають: лучше бо есть женитися, нежели разжигатися. (1 Кор. VII. 7., 9.)

33. Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ своею женою?

Долженъ ее любить, какъ Христосъ возлюбилъ церковь, беречь ее и содержать какъ свое собственное тѣло, и стараться, чтобъ она была освящена и омыта чистотою крещенія въ словѣ жизни. (Ефес. V. 25., 26.)

34. Какъ долженъ онъ воспитывать своихъ дѣтей?

Онъ долженъ, какъ скоро только возможно, начать воспитывать ихъ къ оному новому рожденію, безъ котораго не можно войти въ царствїе Божїе, какъ говоритъ Христосъ. (Іоан. III. 5.)

35. Какъ истинный Ф. М. долженъ употреблять свое имѣніе?

Считая себя только орудїемъ Божиимъ, долженъ онъ знать, что всякая полушка можетъ служить или къ строенію дѣла Его и къ прославленію Святаго Имени Его на землѣ, или къ умноженію того, что Оному препятствуетъ, и посему долженъ поступать со ввѣреннымъ ему имѣніемъ.

36. Какъ долженъ онъ поступать въ разсужденіи пици и питія?

„Дѣлая все во славу Божїю, долженъ тоже наблюдать и при вкушенїи пици и питія“, (1 Кор., X. 31.). Употреблять оныя умѣренно, не въ удовольствїе сластолюбїю, но дабы только подкрѣпить тѣло, какъ храмину, которой подлежить быть яслями возрожденія и земною обителю истиннаго челоувѣка,—внутренняго,—духовнаго,—сотвореннаго по образу и по подобїю Божескому. (1 Кор. 11., 14., 15.)

37. Какимъ образомъ истинный Ф. М. готовится къ смерти?—

Непрестанно стараясь умирать грѣху. (Рим. VI, 2.)

38. Когда начинается истинная работа въ нравственности?

Когда человѣкъ начнетъ совлекаться ветхаго Адама.

39. Когда она оканчивается?

Тогда какъ ветхій Адамъ совлеченъ совершенно.

40. Когда престанетъ всякой трудъ и работа?

Когда не останется на землѣ ни единой воли, которая бы не совершенно предалась Богу, когда золотой вѣкъ, которой Богъ хочетъ прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, разпространится вездѣ и явится внѣшне; и когда царство самой природы освободится отъ проклятiя и возвратится въ средоточiе Солнца.

Мойи вѣмстити да вѣмститъ.

Катихизисъ сей съ нѣкоторыми исключенiями и прибавками, по пристойности назвавъ краткимъ изображенiемъ качествъ и должностей истиннаго христiанина, присоединилъ я послѣ къ сочиненной мною въ тоже почти время книгѣ подъ названiемъ: *Нѣкоторыя черты о внутренней Церкви, единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденiя и тьбелы*, которая два раза напечатана: первой разъ въ 1798-мъ, а второй въ 1801-мъ году. Она переведена очень хорошо на Французской языкъ; и сей переводъ такъ-же напечатанъ въ Санктпетербургѣ, а послѣ вышло онаго изданiе въ Парижѣ съ Аллегорическою картиною въ заглавiи моего же сочиненiя, изображающей храмъ Натуры и благодати, съ моимъ же изъясненiемъ, которое на русскомъ, при картинѣ оной, въ большомъ видѣ, выгравировано въ Москвѣ*). Недавно картина сiя съ Французскимъ изъясненiемъ наилучшимъ образомъ выгравирована въ Лондонѣ.

Оный же катихизисъ точно въ томъ содержанiи, въ какомъ онъ написанъ и здѣсь помѣщенъ, присоединилъ я къ сочиненной мною, охотникамъ извѣстной пiесѣ, подъ именемъ: „Духовный рыцарь, или

*) Самый хорошiй переводъ книги сей на Нѣмецкомъ языкѣ сдѣланъ нѣкоторымъ Г. Эвалдомъ и помѣщенъ въ его христiанскомъ, мѣсячномъ изданiи.

ищущій премудрости“, которое сочиненіе диковиннымъ случилось образомъ.

Вдругъ за обѣдомъ пришла мнѣ объ немъ мысль. Отобѣдавши, тотъ часъ пошелъ я прогуливаться: въ прогулкѣ составился весь планъ; и я съ Покровки дошедши только до Ниренбергскихъ лавокъ, скорыми шагами воротился домой и принялся писать;—почти не вставая съ мѣста, писалъ часовъ шесть и покончилъ сіе сочиненіе,—содержащее въ себѣ листа четыре печатныхъ въ 8-ку мелкими литерами.

Въ этой піесѣ краткими чертами представлены главные пункты Герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самопознанія и глубокой морали.

Для того же предмета, для котораго издалъ я свой нравоучительный катихизисъ, заставилъ я написать извѣстную книжку: *„Кто можетъ быть добрымъ граждаиномъ и подданнымъ вѣрнымъ“*, которая также переведена на французской и пущена была въ продажу. Сочинилъ ее по моему плану самый близкій другъ мой Иванъ Петровичъ Тургеневъ, сей честнѣйшій человѣкъ, коего память всегда любезна будетъ всѣмъ его знавшимъ и любящимъ добродѣтель.

Сочиненіе мое о внутренней церкви, хотя напечатано уже въ то время когда печатаніе подобныхъ матерій весьма правительствомъ терпимо было, однако, познакомивъ со мною многихъ, которыхъ вниманіе должно быть для меня лестно, навлекло мнѣ много непріятелей.—Нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе, но время имъ въ томъ не благопріятствовало.

Для меня же сочиненіе сей книги будетъ всегдашнимъ утѣшеніемъ, потому что ощутительная мнѣ помощь Божія въ сочиненіи семъ, удостовѣряетъ меня въ его пользѣ. При всемъ томъ, однакожь, очень умножилось удовольствіе мое отъ сдѣланнаго одобренія г-мъ Эккартсгаузенемъ который называлъ книгу сію драгоценною, истинною мудростію исполненною. Признаюсь такъ же откровенно, что удовольствію оному причинною сколько мое самолюбіе, которое весьма еще далеко отъ своей смерти—сей единственной совершительницы чистой добродѣтели, столько же и подкрѣпленіе въ ономъ увѣреніи о пользѣ книги, какое естественно быть должно отъ такого мужа, коего по справедливости можно считать изъ величайшихъ свѣтилъ Божественнаго просвѣщенія, извѣстныхъ въ нашемъ времени.

Вниманіе его ко мнѣ всегда будетъ очень лестно для меня и смиренію у него мнѣ учиться надобно. Онъ писалъ ко мнѣ послѣднее, можетъ быть, въ жизни своей письмо; писалъ дней за 10-ть до своей смерти и прислалъ ко мнѣ въ манускриптѣ послѣднее жъ, думаю, сочиненіе свое: о согласіи виѣшнихъ законовъ природы съ внутренними законами духа, подъ названіемъ: *Поставленіе Клоаса жреца природы, Софрониму*. Въ письмѣ томъ пишетъ, что ежели сіе его сочиненіе заслужитъ мое одобреніе, то онъ будетъ продолжать его. Читая сіе, я покраснѣлся при всемъ столь живомъ, какъ сказалъ я выше, самолюбіи моемъ.

Оное сочиненіе г. Экартсгаузена нѣчто совершенное въ своемъ родѣ и въ прочемъ превосходящее всякую похвалу мою, переведенное на русской языкъ, помѣщено. въ отрывкахъ изъ его сочиненій, изданныхъ другомъ моимъ Александромъ Федоровичемъ Лабзинымъ, который перевелъ и напечаталъ многія сочиненія сего великаго мужа, какъ и другихъ подобныхъ, и коего труды въ изданіи книгъ, споспѣшествующихъ распространенію свѣта Божественной мудрости и назиданію глубокаго Христіанства, при дѣятельности великодушною твердостью примѣрной, по всей справедливости обязываютъ къ нему почтеніемъ и признательностію всѣхъ любителей истины и просвѣщенія сердечнаго. Одно изданіе извѣстнаго Сіонскаго Вѣстника должно дѣлать имя его любезнымъ и безсмертнымъ.

Книгу внутренней церкви сочинялъ я въ 1789-мъ году*), оправляясь послѣ жестокой болѣзни; и многое изъ нее написано мною карандашемъ въ старомъ саду Графа Разумовскаго, что на Гороховомъ Полѣ, который тогда открытъ былъ для народнаго гулянья и въ которомъ я часто прохаживался.

Неожиданный переломъ болѣзни моей къ совершенному выздоровленію стоитъ того, чтобъ описать его. Всѣ знающіе какъ дѣйство силы милосердія Божія, чрезъ вѣру и раствореніе сердца любовію, разливается и на физическую натуру, съ удовольствіемъ конечно прочтутъ сіе описаніе.

Отъ простуды сдѣлалась у меня при безпрестанномъ почти кашлѣ боль въ груди и въ боку, и нѣсколько недѣль продолжалась уже изнурительная лихорадка, (Fievre Sente) вѣрная предвѣстница чахотки,

*) Я писалъ ее для употребленія въ бывшемъ обществѣ нашемъ; и она была въ иной формѣ, особливо первая ея глава. При изданіи же въ печати перемѣнилъ я ее въ нынѣшнюю форму.

которую медики, и въ числѣ ихъ одинъ искренній мой пріятель, мнѣ и объявили рѣшительно, успокоивая только меня тѣмъ, что въ разсужденіи лѣтъ моихъ уже не самыхъ молодыхъ, могу я еще нѣсколько ихъ перекашлять.

Занемогъ я въ великой постъ; на страстной недѣлѣ семейство наше всегда имѣло обычай говѣть. Отецъ мой, въ разслабленномъ его состояніи, не могъ ѣздить въ церковь, и причащался дома. По болѣзни своей, и я также дома долженъ былъ тогда причаститься послѣ обѣдни.

Въ день причастья, долго утромъ пролежалъ я отъ болѣзни въ постели. Насилу всталъ;—между тѣмъ торопили меня идти къ отцу моему въ спальню слушать Правило. Все это тревожило нетерпѣніе, больному еще больше свойственное. Отслушавъ Правило, пришелъ я въ свои комнаты одѣваться. Я спѣшу, а камердинеръ мой еще и умываться мнѣ неприготовилъ. Разсердился я до изступленія, ругалъ его, не билъ только отъ говорившаго еще нѣсколько во мнѣ чувства долговременной любви къ нему и вниманія, по отлично хорошему его поведенію. Но брань моя была такими язвительными словами, что побои легче бы ему конечно были. Онъ дрожалъ, блѣднѣлъ, синія пятна показывались на лицѣ его. Увидѣвъ это, почувствовалъ я вдругъ всю мерзость моего поступка и, залившись слезами, бросился въ ноги къ моему камердинеру; можно себѣ представить, какая это была сцена!

Тутъ мнѣ сказали, что священникъ пришелъ съ дарами. Я пошелъ въ слезахъ же и рыдая причащаться и причастился подлинно.

Проводя священника легъ, я отдохнуть; уснулъ съ часъ и проснувшись почувствовалъ въ тѣлѣ моемъ такую теплоту здоровья, какой медики уже для меня въ натурѣ не предполагали. Словомъ я проснулся здоровъ.

Скоро послѣ того пріѣхалъ ординарный дома нашего докторъ. Посмотрѣвъ у меня пульсъ, удивился: „Вы совсѣмъ здоровы,—говорилъ онъ мнѣ,—въ пульсѣ вашемъ не только уже нѣтъ нисколько лихорадки,—да онъ такой чистой и свѣжій, какъ бы у самаго здороваго человѣка. Ну, радъ я,—прибавилъ онъ,—что порошки мои вамъ такъ помогли,—однако скорость перемѣны необыкновенная.“

Надобно примѣтить, что онъ мнѣ лѣкарства выписывалъ, а я ихъ не принималъ и всѣ уже тогда давно оставилъ. За нѣсколько дней пе-

редъ тѣмъ, принялъ было я одинъ именно изъ тѣхъ, по его мнѣнію цѣлительныхъ порошковъ его; но у меня пошла кровь горломъ, и одинъ медикъ которой по пріязни меня всякой день посѣщалъ, совѣтовалъ ихъ не принимать, какъ могущихъ ускорить разрушительныя слѣдствія моей болѣзни.

Такимъ образомъ я совершенно выздоровѣлъ отъ болѣзни смертельной; только слабость нѣкоторая продолжалась почти все лѣто.

Поютъ: дивенъ Богъ во святыхъ своихъ,—но ежели можно осмѣлится сказать, то онъ еще дивнѣе въ грѣшникахъ.

